

БУДДИСТСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОМАНЕ А. ВОЛОДИНА «БАРДО ИЛЬ НЕ БАРДО»

(Научный руководитель – канд. филол. наук, доц. Е. А. Борисеева)

Антуан Володин, пожалуй, одна из самых загадочных фигур современной французской литературной сцены. Более всего он известен как основоположник собственного литературного направления, которое сам автор называет «постэкзотизмом». Суть его заключается в синтезе самых различных литературных направлений и художественных методов, от магического реализма и сюрреализма до научной фантастики с целью их последующего переосмысления. Переосмысление, с моей точки зрения, является ключевой задачей художественного метода А. Володина, причем не всегда оно исходит из рационального начала. Всё его творчество так или иначе основывается на различного рода интерпретациях, материалом для которых служат самые разные источники: французская литературная традиция, русский фольклор, примитивные религиозные системы и т. д. Один из главных источников, который писатель использует как базу для своих литературных экспериментов, – буддизм и его священные тексты.

«Бардо иль не Бардо» – такое название для своего, пожалуй, самого трогательного романа выбирает Антуан Володин. Это прямая отсылка к священной книге тибетского буддизма «Бардо Тхёдол», которую на Западе также называют Тибетской Книгой Мертвых, по аналогии с Египетской. Следует вкратце объяснить, что представляет собой Бардо Тхёдол. Само Бардо – это пространство до жизни и после смерти. Иными словами, это путь, состоящий из последовательных этапов, которые проходит сознание человека после физической смерти и до реинкарнации, то есть перерождения в качественно новом состоянии. Этот процесс духовных испытаний занимает 49 дней. Важно отметить, что перерождение – не самый благоприятный исход пребывания в Бардо; идеальным же вариантом в буддистском мировоззрении является встреча с Чистым Светом, обретение Истины, «просветление», то есть освобождение от сансарического существования в цикле бесконечных перерождений. Именно к этому готовит усопшего текст священной книги. Тибетская Книга Мертвых являет собой своеобразную инструкцию по пребыванию в Бардо. На протяжении 49 дней лама должен читать усопшему священный текст, наставляя его тем самым во время пребывания в промежуточном состоянии между смертью и рождением, чтобы его дух не смутился при встрече с различными загробными ужасами. Если освобождение невозможно, то лама читает текст для того, чтобы умерший переродился в максимально благоприятной для него форме, то есть в человеческой [2]. Таким образом, Бардо Тхёдол есть не что иное, как «руководство для путешественников» в сфере, лежащей за гранью смерти.

Роман «Бардо иль не Бардо», по моему мнению, представляет собой яркий пример литературы постэкзотизма, так как автор берется по-своему

интерпретировать священный буддистский текст. Именно на переосмыслении и трансформации основных идей Тибетской Книги Мертвых (а по большому счету, и всех теоретических положений буддизма) основаны многочисленные буддистские реминисценции в романе.

Во-первых, в каждой из глав события в какой-то момент начинают противоречить буддистскому канону, все происходит не так, как должно, не так, как это предписано. Оказывается, что в этот загробный мир, где усопшему следовало бы пройти ряд испытаний, можно попасть и при жизни; можно даже созвониться там со старым другом. На самом деле, можно не совершать никакого путешествия и устроить своеобразный бунт против законов этого пространства. Каждая глава становится «знаком вопроса», сомнением в непреложности какой-либо истины, ведь встреча с Чистым Светом в Бардо есть не что иное, как обретение Истины, однако в романе оно становится невозможным. Нарушается фундаментальность самой сакральности текста. Можно сказать, что эти «знаки вопроса» с каждой главой становятся все более трагичными, экзистенциально напряженными, и сюжеты, которые начинались скорее как ирония над каноном, постепенно превращаются в сюрреалистические кошмары, концентрирующиеся в одной точке и обрывающиеся в итоге с резким резонирующим звуком. Так, во второй главе мы встречаем персонажа Глущенко, который вместо того, чтобы пройти весь путь Бардо, просто сидит на месте, много ругается и спит. На 49 день он перерождается в обезьяну и становится для читателя скорее пародией на «благороднорожденного, пребывающего в Бардо». Однако уже в 4 главе мы сталкиваемся с по-настоящему пугающей ситуацией: девушки, решившие отомстить умершему насильнику, читают ему вместо Бардо Тхёдол ложные инструкции, описывают сцены встречи с чудовищами-насильниками в загробном мире. Если вначале сцена действительно не лишена определенного комизма, то описание того, что должно, по мнению девушек, происходить с усопшим преступником, вселяет ужас. Заканчивается все тем, что героини сами проваливаются в демонический мир в облике монстров, отныне обреченные себя навечно сопровождать таких, как умерший преступник. Таким образом, в романе А. Володина человеческий фактор, человеческая индивидуальность, в чем бы она ни выражалась: в глупости ли, в упрямстве ли, – берет верх над незыблемым авторитетом священной книги.

Во-вторых, весь сюжет романа можно интерпретировать как взаимодействие персонажей, помещенных автором в ирреальное пространство произведения, с «четырьмя благородными истинами» буддизма. «Четыре благородные истины», по сути, есть главное учение Будды. Одна из них, Восьмеричный путь, представляет собой восемь предписаний, после выполнения которых можно вырваться из цикла перерождений, то есть сансары, который сопровождается безначальным и неизменным страданием [3]. Восьмеричный путь – одна из самых важных истин буддизма, но Володин искажает и ее. Действующие лица романа, хотя и соблюдают предписания, никогда не достигают освобождения. Точнее сказать, они достигают отсутствия вывода. Так, например, монах, который успешно прошел

последний восьмой этап Восьмеричного пути – правильное сосредоточение, – вместо осенения благодатью оказывается навсегда застрявшим в Бардо в приступах вечного удушья без какой-либо перспективы в будущем и в полном неведении в настоящем. Само понятие Восьмеричного пути искажается, трансформируется, и эту трансформацию можно рассматривать как еще один характерный авторский акцент на отсутствие объективности, иллюзорности, истинности в данной реальности.

В-третьих, А. Володин переинтерпретирует провозглашенный буддизмом принцип всеобщей причинной обусловленности — пратитья-самутпада. В романе «Бардо или не Бардо» повсюду господствует иррациональное. Все случается под влиянием хаотических и непредсказуемых вспышек, которые могут исчезнуть бесследно, например, в эпизоде встречи Шмолковского и Дадокяна в пространстве Бардо в 6 главе или в эпизоде поездки Шлюма на поезде в 3 главе. В большинстве случаев мы не знаем, как персонажи оказались там, где оказались, мы не можем быть уверены ни в чем, ведь объективной реальности не существует в сюрреалистическом мире Володина, поэтому и принцип причинной обусловленности здесь работать не может.

Закономерным будет вопрос: почему писатель прибегает именно к буддизму? Для Антуана Володина буддийская религия представляется базисом для иррационального исследования реальности. Бардо Тхёдол, наполненная глубоким символизмом и эзотеризмом, позволяет автору, а в равной степени и читателю, под новым углом взглянуть на действительность. Что это за действительность?

В произведениях Володина мы постоянно сталкиваемся с призраками XX века: крах мировой революции, ядерная война, карательная медицина, концентрационные лагеря и т. д. Таким образом, обращаясь к буддистскому учению, Володин получает возможность переосмыслить трагический опыт XX века, в первую очередь, опыт западноевропейский.

Удивительно, но по отношению к истории Европы прошлого столетия можно задать тот же вопрос, что задал себе Будда, увидев, как птица выклевывает червей из земли: «Почему одни существа могут жить только страданиями других?» [3]. Действительность XX века и Бардо потрясающим образом схожи между собой: человечество научилось жить в атмосфере отчаяния, экзистенциального страха, бок о бок с разрушительными войнами и истреблением людей так же, как герои Володина сосуществуют рядом с сакральным миром смерти, с пространством Бардо. Все попытки исследования этого пространства всегда заканчиваются крахом для героев романа, они могут лишь фиксировать происходящее там, познать же суть Бардо оказывается невозможно.

Можно сказать, что книга Бардо Тхёдол выступает своего рода «рамой» романа, внутри которой Володин уже по-своему интерпретирует различные буддистские идеи. Трансформация восточных истин вплоть до их полной деконструкции – оправданная мера автора для того, чтобы не выступать в роли проповедника, не обозначать «правильный», истинный путь. Цель писателя – только фиксация ощущений для их последующего переосмысления, вывод из

которого не может быть изложен на бумаге, а может быть только запечатлен эмоциональной вспышкой в сознании читателя.

Буддистские реминисценции представляются не просто новым медиумом для Володина, а наиболее доступным и эффективным средством передачи, средством трансляции совершенно особых, крайне важных для автора отпечатков-состояний: фрустрации, мучительной напряженности, тревоги, изнуряющего поиска, кризиса личности. С помощью этих состояний Антуан Володин создает свой уникальный художественный универсум, сплавляя воедино западную и восточную ментальность; этим, на мой взгляд, и определяется самобытность постэкзотизма.

Литература

1. Володин, А. Бардо или не Бардо / Пер. с фр. В. Кислова. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. – 256 с.
2. Тибетская книга мёртвых. Бардо Тхёдол. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 416 с.
3. Торчинов, Е. Введение в буддизм: лекции / Е. Торчинов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 352 с.